

Дмитровский уезд в 1812 году

«У жизни, ушедшей в тьму веков, есть два врага: легенды ближайших потомков и исторический анализ последующих исследователей. Первые окутывают туманом идеализации пёструю и яркую канву живого события; второй рассекает живую ткань, из одухотворённой клетки создаёт мёртвый препарат».
В.Каллаш

Так сложилось, что события «малой войны» сентября — начала октября 1812 г., происходившие в Дмитровском уезде, практически не изучены. Виной тому крайне ограниченное число письменных и печатных документов, а также, на первый взгляд, отсутствие ярких, достойных упоминания фактов. Временной промежуток так называемой «экспедиции Дельзона» в Дмитров укладывается всего в две недели — с 23 сентября по 5 октября. В данной работе, помимо описания событий, связанных с пребыванием в городе и уезде войск неприятеля, я также обратился к другой почти не изученной теме — формированию в Дмитровском уезде частей Московского ополчения, его участию в боевых действиях и понесённых им потерях.

Дмитров и уезд накануне войны 1812 г.

В период 1796 — 1805г. Дмитров пережил сильное финансовое потрясение, начавшееся с разорения богатейшего городского купца И. А. Толчёнова, вызвавшего цепную реакцию банкротства других городских купцов, занимавшихся хлеботорговлей. Толчёновы, представители которых на протяжении многих десятилетий занимали основные должности в управлении городом, уступили свои позиции новым лицам — суконному фабриканту И. А. Тугаринову с сыновьями, содержателю питейных заведений А. С. Тютькину, владельцу кожевенного завода А. И. Большакову. Дмитров утратил статус губернского центра хлеботорговли, всё большее значение в экономике города играли различного рода фабрики и мануфактуры.

По данным 7-й ревизии 1816 г. население города составляло около 3500 человек, из них 3317 — купцы и мещане, остальные представляли духовное сословие и немногочисленных городских дворян и разночинцев. После кризисных лет в городе осталась лишь одна богатая купеческая семья фабриканта Ивана Артемьевича Тугаринова (1743 — 1825) с сыновьями Михаилом, Павлом, Иваном и Андреем, состоящая во 2-й гильдии. Помимо фабрики Тугариновых, в городе имелись ещё две небольшие суконные фабрики, бумагопрядильня, несколько мелких кожевенных и позументных производств. Но большая часть жителей продолжала заниматься мелкой торговлей, ремёслами и огородничеством.

Осуществлялась перестройка Дмитрова по утверждённому для уездных городов плану. В городе имелось 6 каменных двухэтажных купеческих особняков, в 1807 — 1808 г. было выстроено новое здание присутственных мест.

Главным бургомистром городского магистрата служил купец 2-й гильдии Павел Иванович Тугаринов, городским головой — купец 3-й гильдии Андрей Семёнович Тютюкин.

В Дмитровском уезде находились владения крупных помещиков С. С. Апраксина, П. Х. Обольянинова, А. Н. Оболенского, В. Н. Разумовской и др., с несколькими сотнями крепостных крестьян, но большинство имений были небольшими, с числом крестьян от 10 до 100 человек. В 1811 г. был составлен реестр уездных помещиков с указанием численности их крепостных крестьян и дворовых людей мужского пола, которых оказалось 16600 человек. Кроме помещичьих владений в уезде находилось несколько экономических волостей, наиболее значительной из них была Рогачёвская.

Предводителем дворянства Дмитровского уезда в 1810 — 1813 г. служил князь Иван Николаевич Трубецкой — крупный губернский землевладелец, в Дмитровском уезде владевший имением Ахтырка (недалеко от Хотькова) с окрестными деревнями.

Должность уездного судьи занимал надворный советник Степан Мартынович Сахаров, земского исправника — коллежский асессор Александр Козьмич Елфимов, городничего — надворный советник Дмитрий Иванович Стафопулов. Все они были небогатыми помещиками и постоянно проживали в Дмитрове и уезде.

Формирование частей Московского ополчения.

После манифеста Александра I от 15 июля 1812 г. началось формирование Московского ополчения. Уездный комитет возглавил предводитель дворянства И. Н. Трубецкой.

Согласно присланной из Москвы разрядке, Дмитровский уезд должен был поставить по одному ополченцу от каждых десяти помещичьих крестьян и дворовых людей, всего 1660 человек, в полном обмундировании, вооружённых пиками. Купцы и мещане Дмитрова, а также уездные экономические крестьяне могли поступать в ополчение добровольно. Также последовал указ о записи в ополчение отставных офицеров.

Местное дворянство восприняло императорский указ с воодушевлением, отставные офицеры поступали в различные полки действующей армии и Московского ополчения. Всего поступило на службу 129 дворян в чинах штаб-офицеров и обер-офицеров. Записывались и дворяне из соседних губерний. Например, отставной коллежский регистратор Смоленского губернского правления Степан Флеберов просил князя Трубецкого ходатайствовать *«об определении его в Московское ополчение Его Сиятельства графа Ираклия Ивановича Маркова, во 2-й казачий князя Одоевского пехотный полк»*.¹

Из прибывающих уездных крестьян в Дмитрове началось формирование 2-го пехотного полка. Надзор за их последующей отправкой в Можайск, к месту дислокации полка, был поручен служившему при магистрате полицейской должности унтер-офицеру Куренкову. *«Сего июля 27-го находящийся в магистрате при исполнении сторожевой должности унтер-офицер Игнатий Максимов Куренков объявил, что он более не может исполнять должности, за назначением во вновь набираемое земское ополчение»*.²

Трубецкой инструктировал проводивших набор в ополчение должностных лиц: *«Оружие, представленное отдатчиками с воинами, собирается и поступает в ведение избранного от дворянства к хранению одного чиновнику, секунд-майору*

князю Ивану Михайловичу Оболенскому... Чтобы оружие, с воинами представленное, хранили они в селениях до окончания всего набора...»³.

Почти сразу начались трудности: не хватало вооружения, многие помещики не могли вовремя обеспечить своих людей обмундированием и вооружением, предписанным инструкцией об экипировке ополченца. Кроме того, часть селений, находившихся в Дмитровском уезде, была собственностью помещиков из других уездов Московской губернии, и крестьяне из данных поместий записывались в ополчение от этих уездов. Впрочем, некоторая часть Дмитровского ополчения была также сформирована из крестьян иных уездов и губерний. Некоторые помещики, владевшие крестьянами, как в Дмитровском, так и в Московском уездах, должны были поставлять ополченцев по спискам от обоих уездов. Всё это, естественно, также замедляло формирование ополчения.

Служитель князя И. Н. Трубецкого рапортовал об отправке 33 человек в ополчение из поместий Московского и Дмитровского уездов: *«Представляю при сём, для принятия в Земское ополчение, за состоящих за господином моим по Московской губернии и уезду в сёлах Гольянове, Никольском и Говорове с деревнями — 533, да Дмитровского уезда в селе Ахтырке с деревнею Золотиловой — 88, а всего: за 621 душу — 33 человека»*.⁴ Поверенный статского советника Ф. С. Лужина: *«...за 58 душ, числящихся Московской губернии в Дмитровском уезде в сельце Григорове и деревне Муханове за помещиком моим — одного человека здесь в Москве, а ещё 5 человек будут представлены в Дмитрове, с платьем и пиками для них»*.⁵

Статский советник Д. А. Заяцкий: *«... за 309 душ, числящихся за мною в Клинском и Дмитровском уездах — двух человек дворовых людей, с платьем по Положению, без оружия... Фёдор Платонов, по 6-й ревизии 30-ти лет, из дворовых Московской губернии Дмитровской округи из села Кикина. Российскую грамоту знает, читать и писать умеет. Какое мастерство знает — часовой мастер. У него жена Пелагея Гаврилова, у них сын Захар 3-х лет и дочь Арина 2-х лет. В ополчение поступил июля 31-го 1812 года»*.⁶

Управляющий имением майора Н. И. Пальчикова : *«... за 19 душ числящихся за господами моими Дмитровского уезда сельце Артёмове и деревне Андрюшкиной*

– двух человек, с платьем и оружием для них по Положению: Михайла Наумов сын Тарасов 37 лет, из дворовых людей села Артёмова, грамоты не знает, мастерству не обучен, жена Акулина Абрамов; Артемий Яковлев 35 лет, крестьянин села Артёмова, грамоты не знает, мастерству не обучен, жена Марья. Миронова»⁷.

Сам Н. И. Пальчиков вступить в ополчение не мог из-за преклонного возраста. Он писал И. Н. Трубецкому: «Хотя я бы и желал вступить в военную службу, но в рассуждении немолодых лет и слабости здоровья моего, да и в отставке нахожусь я уже более 25 лет, вступить в военную службу никак не могу, в чём и подписуюсь»⁸.

Некоторые дворяне также объявили о невозможности поступления в ополчение по причине слабого здоровья и болезней. Престарелый помещик села Спасского Иван Николаевич Стафопулов сообщал: «... имею от роду 80 лет и от оного слабое здоровье»; владелец села Деденево, отставной майор Павел Васильевич Головин: «... будучи за болезнью в отставке 16 лет и по слабости здоровья моего»; отставной майор Михаил Зилов : «... в военную службу вступить не могу по имеющейся во мне с давних лет геморроидной болезни»; владелец сельца Подлипичье, поручик Михаил Бенедиктов: «...за имеющейся во мне каменной болезни, которою и теперь одержим, состою в отставке»; артиллерии фейерверкер Николай Дудышкин: «...по причине частых приступов ревматической вседельной болезни от сломятия хребетной кости».

12 августа уездный предводитель И. Н. Трубецкой доносил в Комитет по формированию ополчения: «честь имею доложить, что в городе Дмитрове приём воинов в состав военной силы производится безостановочно, которых по 12-е число сего августа принято 1204 воина. На них принято провианта: муки 1617 пуд 28 фунтов, круп 29 четвертей 5 четвериков. Оружия: ружей 14, пик 224, сабель 11».⁹

Из сообщения, полученного Трубецким 15 августа: «Управляющий Московской военной силой 2-н генерал-лейтенант Чичерин уведомил Комитет о медленном приёме воинов в состав военной силы по Дмитровскому уезду, по сему и подтвердил Вам производить оный как возможно поспешнее».¹⁰

Поспешность, вызванная стремительным приближением к Москве войск Наполеона, приводила к некоторым нарушениям при приёме ополченцев. Из

переписки Трубецкого с представителями Комитета: *«Милостивый государь, князь Иван Николаевич! ...Впрочем, известно и Вам самим, что из 1267 воинов только 130 человек по сие число одеждою снабжены, и то, большей частью, не полно по Положению... До сведения моего дошло, что при представлении воинов в состав Московского ополчения, обмундированных по Положению и снабжённых всеми назначенными вещами, берётся сверх того и бывшая на нём в крестьянстве одежда. Находя распоряжение таковое совершенно не соответственным с правилами, на сей случай постановленными и производимыми в присутствии Вашего Сиятельства, я покорно прошу принять меры к прекращению таковых требований. Обресков».* При этом строго предписывалось: *«чтоб набор воинов окончен был к 15-му числу сего августа, ... и чтобы сукна на кафтаны были...»*¹¹.

Но к указанной Обресковым дате закончить набор не удалось. С 15 по 19 августа от уездных помещиков в состав ополчения поступило ещё 186 человек: *«Генерала от кавалерии и кавалера Степана Степановича Апраксина села Льгова — 57 воинов, г. Дурасова села Царёва 18, г-на Балк — Полева села Иевлева — 17, майорши Лопухиной сельца Ванькова — 9, князя И. Н. Трубецкого села Ахтырки — 6»* и др.¹²

26 августа Трубецкой докладывал: *«Что в числе доимочных по Дмитровскому уезду 132 воинов, принято мною сего августа с 19-го по 23 число 64 воина, которые с полной амуницией и со списками, чрез посредство земской полиции, отосланы того-ж 23 числа в город Можайск во 2-й пехотный казачий полк. А с 23 по 26 августа ещё принято 10 воинов, которые находятся, вследствие ненадлежащего их имения, в городе Дмитрове. От дворян и управляющих, по донесениям их, поступило с 19 по 26 августа оружия 441 пика, а с прежними — 1255 пик».*¹³ Также из Дмитровского уезда в части ополчения было направлено 550 строевых и 110 нестроевых лошадей.

Таким образом, из 1608 ополченцев, призванных от Дмитровского уезда, к 26 августа 1537 человек уже находились в Можайске, во 2-м пехотном князя Одоевского полку. Но в Бородинском сражении полк участия не принял, находясь в резерве.

Оставшиеся в Дмитрове 10 ополченцев были направлены в Богородск, в один из отрядов Владимирского ополчения, ещё 54 человека «остались в недоимке». 31-го августа присутственные места Дмитрова были закрыты ввиду приближения неприятельских войск и формирование ополчения прекратилось.

Дмитровская экспедиция Дельзона.

Северное и восточное направления от занятой Наполеоном Москвы прикрывали русские части, входящие в отдельный летучий корпус под командованием генерал-адъютанта Ф. Ф. Винценгероде. Основные силы: лейб-гвардии казачий, Донской казачий Иловайского 12-го, 9-й Казанский драгунский, Изюмский гусарский и казачий Ставропольский калмыцкий полки дислоцировались в районе Санкт-Петербургской дороги, препятствуя возможному наступлению французов на столицу. На Дмитровской дороге находились лишь разъезды Донского казачьего Денисова 7-го полка, они же прикрывали и поперечные «коммуникации», соединяющие Петербургскую, Дмитровскую и Ярославскую дороги. Командовал этими казачьими разъездами войсковой старшина Григорий Петрович Победнов.

Вскоре после занятия Москвы войска Наполеона стали испытывать острую нужду в продовольствии, фураже для лошадей и обмундировании. Вылазки, предпринимаемые небольшими отрядами фуражиров в ближайшие окрестности города, приносили немного пользы. К середине сентября большинство окрестных сёл уже полностью было разграблено, а отряды, пытавшиеся проникать в более отдалённые от Москвы местности, уничтожались летучими казачьими разъездами или попадали в руки местных крестьян. Близились холода, Наполеон уже планировал отступление из Москвы на «зимние квартиры», ему было необходимо создать значительные запасы провианта и тёплого обмундирования. В качестве одного из плацдармов для действий фуражиров предполагалось использовать Дмитровский уезд, известный своими хлебными запасами и не пострадавший от военных действий. К тому же, французы знали, что на этом направлении части русской армии наиболее малочисленны.

23 сентября части 13-й дивизии французов, входившей в состав 4-го корпуса принца Э. Богарнэ, под командованием генерала Алексиса Дельзона выступили из Москвы и начали продвижение по дмитровской дороге. По оценке Ф. Винценгероде отряд состоял 3 тысяч человек пехоты, 3 полков кавалерии и 6 орудий. По французским данным отряд состоял из остатков 13-й дивизии: 2 батальонов 8-го полка легкой пехоты, 2 хорватских батальонов и 4 батальонов из 9-го, 84-го, 92-го и 106-го линейных полков, усиленных двумя полками итальянских егерей и батальоном польских шволежеров.¹⁴ Учитывая значительные потери в войсках французов, его численность, вероятно, была меньше указанной Винценгероде.

Неприятель продвинулся по этой дороге на 30 вёрст и занял ключевую позицию в деревне Сухаревой, перерезав «коммуникацию» русских, соединявшую дмитровскую и ярославскую дороги. Находившийся в Сухаревой казачий разъезд отступил в село Озерецкое, ближе к основным силам Винценгероде. В тот же день французами было занято село Марфино.

В последующие три дня противник не пытался продвинуться далее на север, занимаясь сбором провианта и фуража и отправкой его в Москву. Участник дмитровской экспедиции Дельзона, лейтенант вольтижёр 3-го батальона 84-го линейного полка Жан-Луи Лякорд записал в своём дневнике: *«Выступили с этой позиции, отправившись в Дмитров по тверской дороге... По пути от Москвы до этого города мы обнаруживали в деревнях крестьян и находили еду. Эта местность не производит дурного впечатления!»*.¹⁵

Французами было разграблено и подожжено село Марфино (входило в Московский уезд). Винценгероде возобновил «коммуникацию» с отрядами майора Победнова по дороге Дмитров — Сергиев Посад. Используя мобильные казачьи разъезды, он непрерывно атаковал небольшие отряды неприятельских фуражиров в окрестных с Сухарево деревнях. Об уничтожении одного из таких отрядов в селе Озерецком сообщал Д. Д. Благово: *«...был в Озерецком, в 12 верстах от нас, небольшой отряд, но тамошние мужики по- своему с ним расправились: кто вилами, кто дубиной порядком француза отпотчевали, так что он не от что нападать, а думал, как бы подобра — поздорову самому улестись и бежать в лес; и там добились окончательно»*. Здесь речь идёт, вероятно, о совместных действиях

одного из казачьих разъездов и крестьянского отряда самообороны. Казаки контролировали дорогу от Озерецкого до Рогачёва, где находились подразделения авангарда Винценгероде, совершая фланговые вылазки против фуражиров и мелких воинских команд неприятеля.

27 сентября противник возобновил продвижение на север, заняв село Деденево. Благово отмечал: «... Головина, жившего в своём имении в селе Деденево — Ново — Спасское...они застигли совершенно невзначай, он сидел и обедал с женой и детьми, взглянул в окно и увидел, что идут французы, несколько начальствующих лиц и солдаты направляются прямо к дому. Что прикажете ему делать? Он был великий неохотник до иностранцев, а тем паче ещё до врагов отечества, однако, скрепя сердце, он предложил им разделить с ним трапезу. Они приняли предложение, но требовали, чтоб и сам хозяин сел с ними и пробовал каждое подаваемое блюдо, опасаясь, может быть, чтобы не угостили чем с отравой... Французы расположились неподалёку от села лагерем и во всё время, пока там стояли, вели себя хорошо и смирно и храмов не только не оскверняли, но даже не препятствовали богослужению и просили только не звонить в большие колокола, опасаясь, чтобы войска не приняли трезвона за тревогу и оттого не переполошились по-пустому».¹⁶

Утром 28 сентября авангард Дельзона вошёл в город Дмитров. Ф. Винценгероде доносил императору: «наступательные движения неприятеля по Дмитриевской дороге кончились занятием города Дмитриева, который вчерашнего числа 28 сентября в 7 часов утра был занят корпусом, состоящим из шести или семи тысяч кавалерии и пехоты под предводительством генерала Дельзона. Казачья застава, стоящая на Дмитриевской дороге, не могла удержать столь превосходного неприятеля, и отступила по дороге ведущей из г. Дмитриева в г. Клин. Неприятель по сей дороге до вечера 29 числа сентября не подавался далее 6 верст».¹⁷ Под давлением неприятеля казачьи разъезды отступили в село Рогачёво. Большинство жителей заблаговременно покинули Дмитров, из населения города, составлявшего тогда 3,5 тысячи, оставалось лишь 2 — 3 сотни человек.

Авангард Дельзона, войдя в Дмитров, занялся грабежом остававшегося в домах имущества. На главной городской площади, неподалёку от торговых рядов,

стоял каменный двухэтажный дом тогдашнего городского головы А. С. Тюткина. При доме находилось питейное заведение (Андрей Семёнович совместно с помещиком Зиловым брал в откуп питейные заведения уезда) и склады спиртного, которые были немедленно разграблены. *«В Дмитрове мы нашли значительные запасы водки. Однако большая часть наиболее зажиточных жителей уже покинула город»*¹⁸. Вероятно, оставшиеся жители оказывали некоторое сопротивление чинимым грабёжам и французы угрожали, что подожгут город. При входе в Дмитров главных сил противника во главе с генералом Дельзоном, трое жителей поднесли ему хлеб — соль, обратившись с просьбой не сжигать город.

Любопытны впечатления Лякорда от пребывания в Дмитрове: *«В центре этого города расположена большая площадь, но через неё невозможно пройти. Я лично хотел пересечь её, чтобы подойти к расположившимся фасадом к площади домам, в которых я квартировал. Издали эта площадь напоминала зелёный луг, но, когда я стал пересекать её, то обнаружил, что вместо луга она представляла собой настоящую трясиину, и бросил эту затею. На улицах стоит вода, а грязь достигает колен, хотя дома довольно чистые, все они — деревянные, что характерно для этой местности и для всей страны в целом. В городе я видел только один большой дом на площади, в котором квартировал дивизионный генерал барон Дельзон»*.

Основные силы Дельзона находились в Дмитрове два дня. *«В городе мы могли оставаться всего два дня, так как недалеко от нас расположились пять русских дивизий, которые постепенно окружали нас»*¹⁹. В Дмитрове формировались обозы, составленные из награбленного в городе и окрестных сёлах имущества и продовольствия, которые отправлялись под конвоем в Москву. Больше других от действий фуражиров пострадали ближайшие окрестности Дмитрова — Волдынское, Подлипичье и Шпилёво. Другим большим отрядом, разместившимся в Деденево, были разграблены соседние селения — Батюшково, Никульское, Подосинки и Дубровки (деревня рядом с Подосинками). На Рогачёвской дороге передовой пикет французов находился в районе развилки на Высоково.

30 сентября Винценгероде атаковал передовые пикеты французов на Рогачёвской дороге и одновременно ударил в тыл, угрожая перерезать

дмитровскую дорогу в районе села Сухарево и окружить неприятеля. В это же время Дельзоном был получен приказ Наполеона об отводе всех войск к Москве. К вечеру 1-го октября основные части французов уже покинули Дмитров, оставив для прикрытия обозов часть 84-го полка и 2 хорватских батальона полковника Марко Сливарича. Из дневника лейтенанта Лякорда, находившегося в арьергарде: *«В тот момент, когда мы покидали Дмитров, его жители не заметили нашего выступления. Спустя некоторое время, мы еще не успели отойти далеко от города, как два батальона кроатов вместе с нашей бригадой, образовавшей арьергард, подверглись очень сильному нападению со стороны русского авангарда, который сразу же атаковал нас. Мы шли всю ночь и на протяжении всей ночи, каждую минуту, бились с противником. И все время он находился впереди нас. Но необходимо было любой ценой пробиться. Утро и в течение всего дня противник продолжал преследовать нас, находясь, образно говоря, как шпага в почках: каждую минуту они пытались нас окружить, но, к счастью, перевес в силе был на нашей стороне. К нам в помощь из Москвы были посланы несколько полков пехоты, кавалерии и артиллерии императорской гвардии. Без них было бы невозможно возвратиться в Москву».*²⁰

Из донесения Ф. Ф. Винценгероде: *«Я же взял с собою Лейб-казачий полк, два эскадрона драгун и два эскадрона гусар и Ставропольский Калмыцкий полк, выступил из г.Клина и намерен был напасть на неприятеля, стоявшего в г.Дмитрове. Я решился в ночь с 1 на 2 число октября сделать нападение; 1 числа октября в 10 часов по полудни прибыл я в г.Дмитров и столь счастливо, что неприятельские известительные пикеты, стоявшие несколько верст перед городом, не заметили моего марша, и все вообще потом были схвачены казаками; оные пикеты при отступлении были забыты неприятелем. Пришед в г.Дмитров, увидел я, что оный уже оставлен неприятелем, который отступил с большею поспешностью. Арьергард его оставил город в то самое время, как я вступил в оный; неприятель взял свое направление к Москве. Узнав я о сем, послал тотчас 200 казаков вслед за неприятелем. Сей арьергард был достигнут за несколько верст от г. Дмитрова; оный был весь составлен из пехоты. От ночной темноты и от усталости лошадей, которые в сей день сделали более 50 верст, а более еще от*

*того, что неприятель укрылся в лесистые места, где от него оставлены были засады, посланный казачий отряд не мог далее преследовать неприятеля; однако ж в сие время отбито более 100 повозок с провиантом и разною добычею, взято в плен 38 человек; а урон его убитыми и ранеными должен быть значителен. Отбитый у неприятеля обоз был возвращен Дмитровским жителям, пострадавшим столь много от неприятеля».*²¹

В последующие дни русские войска продолжали преследование неприятеля. 5 октября Винценгероде докладывал: *«На Дмитровской дороге ретирующийся неприятельский корпус был преследован отряженною от меня партией, которая и остановилась в селе Виноградове, в 17 верстах от Москвы, имея свои пикеты в 4 верстах впереди. Неприятель же по сей дороге во время целого марша своего был беспрерывно беспокоиваем отрядами Иловайского 12-го со стороны Санкт-Петербургской дороги, который взял у него 52 человека в плен и отбив немалое количество обозов с провиантом, возвратил оное жителям».*²²

Так завершилась экспедиция Дельзона в Дмитров. Она не принесла заметной пользы армии Наполеона. Значительная часть обозов была отбита русскими войсками, а те, что сумели дойти, добрались уже слишком поздно и были брошены наполеоновской армией при отступлении из Москвы.

После отступления французов

Вскоре после ухода неприятеля начали подсчитывать убытки, понесённые при его вторжении. Для созданной в Москве комиссии по оценке разорений от действий неприятеля было необходимо представить от пострадавших помещиков сведения о размерах убытков. Пример рапорта управляющего имением о понесённых его господином убытках: *«... Господской дом весь стоит разграблен, ... крестьянских домов 32, которые состоят целыми. Скот господский и крестьянский, рогатый и мелкий во время разграбления весь угнан, и птица вся ограблена. А лошадей угнано 8, а прочие крестьяне имеют. Господский и крестьянский озимый хлеб посеян. Прочие хлеба - ржаной и яровой в закромах, в стогах, корм всякий и всё имущество крестьянское без остатку ограблено, и на семена ничего не имеют. Имевшийся в господском магазейне хлеб весь ограблен...»*²³. Далее записывались сведения об

имения помещика в других уездах, откуда им могло быть получено «вспоможение».

На основании собранных от владельцев поместий сведений, земский исправник А. К. Елфимов составил рапорт на имя предводителя дворянства, из которого следовало, что уезд пострадал незначительно, относительно прочих, подвергавшихся вторжению неприятеля.

На запрос о числе сожжённых крестьянских домов Елфимов рапортовал: *«что хотя в подследственной суду округе неприятельские войска и были, но ни малейших опустошений от них, кроме некоторого разграбления, как Вашему Сиятельству небезызвестно, не происходило, и округа осталась вся в сохранной целости»*.²⁴

Был составлен реестр наиболее пострадавших от действий французских отрядов селений, в него вошло шесть поместий.

«1. Подпоручицы Чихачёвой село Никульское и деревня Подосинки, жителей 43 мужского и 48 женского пола, наиболее потерпевших семейств 8.

2. Поручиц Аракчеевой и Жеребцовой село Батюшково, жителей 120 мужского и 160 женского пола, наиболее потерпевших семейств 33.

3. Графини Варвары Ивановны Разумовской село Волдынское, жителей 212 мужского и 261 женского пола, наиболее потерпевших семейств 51.

4. Поручицы Бенедиктовой сельцо Подлипичье, жителей 44 мужского и 62 женского пола, наиболее потерпевших семейств 12.

5. Тайного советника, сенатора и кавалера Николая Васильевича Обрескова сельцо Шпилёво, жителей 27 мужского и 36 женского пола, наиболее потерпевших семейств 8.

6. Фрейлины Александры Евгеньевой Кашкиной село Дубровки, жителей 68 мужского и 83 женского пола, наиболее потерпевших семейств 26».

Отмечалось, что *«хотя помянутые селения при нашествии неприятельском не выжжены, но разорения претерпели весьма немаловажные. У которых, большей частью, хлеб, скот и всякое их крестьянское имущество разграблены, и сделаны в строениях повреждения»*.²⁵

Основные же убытки, понесённые уездными помещиками, были вызваны продолжительным нахождением в прифронтовой зоне и ожиданием возможного наступления неприятеля. *«Поелику неприятель когда приближался к Москве, в оное время, будучи народ объят страхом, полевые работы производил весьма медлительно, впоследствии на время хлеб с полей своих хоть и убрали, но от долгого стояния на корню оной, а более яровой, во многом количестве осыпался... По приближении же неприятеля к Дмитрову, все из селений своих выбиралися в леса и другие отдалённые места, хлеб зарывали в ямы или вывозили в оные же леса. Из которых, один от долгого в земле, а другой - от сырости и ненастного времени пророс, погнил и сделался никак ни на какое употребление не удобным. Не меньше того, от излишних из одного в другое место перевозок растрагился, в покосах также потерпел весьма чувствительные убытки. Ибо по сказке, в части сёл от долговременной и продолжительной неуборки сено и вовсе осталось некошенное. Скот всякого его рода, не только приплодный, но даже и гулевой, старались изводить с большой для каждого потерей. Подобно и все прочие крестьянские припасы, коими при хозяйственном распоряжении довольствовались почти целый год, употребляли в одно только самое смутное время, располагая, чтобы всё то не могло достаться добычей неприятеля».*²⁶

Некоторые убытки были причинены передвигавшимися по уезду казачьими разъездами и различными воинскими подразделениями. Естественно, что летучие казачьи разъезды, оторванные от своих полковых обозов, были вынуждены самостоятельно искать себе пропитание, действуя при этом не всегда в рамках закона. Елфимов сообщал: *«Сверх того, проходя Дмитровской округой, разные полки и другие отдельные воинские казачьи команды довольствовались пищею и фуражом безденежно. Вместе с тем, крестьяне отягощены были и немаловажным требованием подвод, которые наряжаемы и братья были как под оные команды, так и под следовавшие казённые транспорты, без всяких прогонов... Немалое количество хлеба и фуража чиновничьими командами забрано самовластно и, большей частью, без отдачи квитанций, коих хоть от них тех селений старосты с вотчинными начальниками и требовали, но неизвестно зачем не дано, а от которых были даны, тех по собрании числилось 36 квитанций...»*²⁷

Из рапорта владельца села Курово: «... хотя в село неприятельские войска не входили, однако оно весьма изнурено от неоднократных и беспрестанных наездов и требований разного рода воинских команд российского войска, в сей стороне тогда бывшего. Коим не только их, крестьянский, но и в магазейнах бывший господский, зерном и мукою весь без остатку был такими воинскими командами у крестьян моих взят. А сверх того, и их крестьянский взят был скот, как то: лошади, коровы, овцы и бараны, куры, яйца и прочее, во множественном числе...»²⁸

Упоминания о подобных действиях казачьих разъездов можно найти и в книге Д. Благово.

Докладывая о понесённых уездом убытках, земский исправник просил губернское начальство отсрочить платежи ежегодных налогов, «... крестьяне освобождены будут на некоторое время от платежа и сами по себе могут прийти, хотя и не в прежнее состояние, но, по крайней мере, поставить в возможность отправлять общественные повинности».²⁹

Значительные убытки от 4-х дневного пребывания французов понесли и жители Дмитрова. Городской голова А. С. Тютюкин докладывал в Комиссию по оценке разорений: «Город от столичного города Москвы состоит в недалёком расстоянии, то по тому случаю неприятельского в оный занятия, здешние обыватели были объаты страхом и пришли в расстройство и не занимались уже с того времени по своей коммерции, ни в Москве, ни в своём городе, с лишком два месяца торговлю. Даже и на бываемой здесь один раз в году в сентябре месяце Никитской ярмонке, как приезжающих из других городов для торга купцов не было, а равно, и граждане оставались без производства оного. То при таковых обстоятельствах все купечествуящие принуждены были, оставив производимые торги и промыслы, со своими семействами удалиться в разные места с оставлением домов и заготовленных в оных, лавках и на заводах товаров и имущества, кои подверглись неприятельскому и других людей разграблению. Приготовленные съестные, хлебные и иные припасы, огородные овощи, частью разный скот, для оного в немалом количестве сено, подле домов дрова достались в неприятельское продовольствие. А при выездах каждого семейства подорожные потерпели значительные убытки, и в бытность в городе неприятельского войска не

оставались... Неприятельские в немалочисленных силах войска, находясь в городе без малого четверо суток, без обывателей властвовали и похищали, что только могло быть для них потребно...»³⁰

Четверо дмитровских купцов — Немков, Фуфаев, Осетров и Иванов подали в Комиссию прошения о выделении материальной помощи, ссылаясь на полнейшее разорение. Первые трое заявили о потере всех своих торговых заведений в сгоревшей Москве и получили компенсацию. Григорий Иванов, записанный незадолго до войны в городское купечество из цыган и торговавший в Дмитрове лошадьми, ссылаясь на угон французами всех его лошадей. Его прошение было признано недостаточно обоснованным, за отсутствием свидетелей, могущих подтвердить факт угона.

Из числа городских домов лишь здание присутственных мест было подожжено французами при отступлении, но пострадало незначительно. Огнём также было повреждено несколько лавок в городских торговых рядах.

Ссылаясь на понесённые убытки, А. С. Тютюкин докладывал: *«по таковому разорению ныне купечествующих в коммерциях своих находятся расстроеными. По чему оному обстоятельству, предав в волю к Главной оной комиссии рассмотрению, с испрашиванием, дабы соблаговолил Престол Милосерднейшего Монарха об избавлении здешних купцов в нынешнем 1813 году от платежа с объявленных ими капиталов законных процентов денег»*.³¹

Дело купца Богомолова

После ухода неприятеля Дмитров представлял довольно печальное зрелище. Большинство домов было разграблено, на дорогах стояли брошенные отступающими французскими солдатами подводы, валялись мешки с зерном и мукой, кипы различной одежды — всё то, что было свезено французами в Дмитров из уездных поместий и сёл. Первые 4 дня после отступления неприятеля в городе размещался Казанский драгунский полк, который пресекал попытки мародёрства со стороны неприятельских дезертиров и окрестных крестьян, но затем полк проследовал к Москве. Охрана порядка была вновь поручена казачьему разъезду. Вскоре в Дмитров начали возвращаться жители.

В конце декабря 1812г. вновь открылись городские присутственные места. Служащим магистрата приходилось разыскивать пропавшее из здания присутственных мест имущество. 31 декабря в помещение магистрата был доставлен купец 3-й гильдии Никифор Богомолов, у которого в доме были обнаружены принадлежавшие магистрату стенные часы. Но основное обвинение заключалось в том, что при входе в город отряда французов, он встречал их с хлебом — солью.

«Истребованы от него были взятые им из сего магистрата присутственной каморы, по выходе из здешнего города французских врагов, стенные часы. При том же обвинении что он, Богомолов во время входа в город французских врагов встречал с хлебом и солью. Приказали: об оном записать в журнал, с означенного Богомолова, призвав господина уездного стряпчего, а с духовной стороны – депутата, соборной церкви священника Феодора, в чинимой встрече французов с хлебом и солью, и какой ради причины им Богомоловым такой поступок чинен был допросить, обыскав в сём магистрате.

*Посланные сего магистрата ходоки к господину стряпчему возвратились, объявив что стряпчий за болезнью быть не может. А место его, за болезнью, исправлять должен уездного суда секретарь, а депутата в доме нет, и находится он в отлучке, почему и посланы были вторично ходоки к секретарю уездного суда и ко второму такому депутату - Ильинской градской церкви священнику, о бытии им в магистрате. На что ходоки возвратившись объявили, что уездного суда секретарь находится на должности стряпческой в округе, а Ильинский священник болен. А по сему, записав в журнал оставить до следующего присутствия. Богомолов же отослан при сообщении, для содержания под стражей».*³²

Из показаний Богомолова: «... оный сего генваря 2-го дня показывал:...он, увидя в магистрате огонь, где по входе никого не было, который он потушил и снял в присутственной каморе со стены часы, которые теперь хранятся у него. Говорил, что он во время входа в город неприятеля выходил с дмитровскими мещанами Матвеем Комаровым и Яковом Беловым с хлебом и солью единственно для того, что оные при входе устраивали сожжение города».³³

На допросе в магистрате Комаров и Белов полностью отрицали своё участие в этом поступке. *«Докладываю по очным ставкам, учинённым с дмитровским купцом Никифором Филипповым Богомоловым мещан Матвея Комарова и Якова Белова, на которой Богомолов Комарова и Белова уличал в том, что они с ним действительно при входе неприятеля в город встречали, с хлебом и солью выходили, напротив чего означенные мещане учинили запирательство».*³⁴

Были вызваны 76 горожан разных сословий для проведения т.н. «повального обыска», которые под присягой сообщили, что *«он, Богомолов, а равно и мещане Комаров и Белов, напредь сего были поведения хорошего и в худых качествах замечены не были. По справке же в сем магистрате оказалось, что означенный Богомолов состоит по нынешней 6-й ревизии в гильдии купечества, от роду ему 36 лет, а Комаров и Белов – в мещанах, первый 62 лет, а последний 32 лет».*

Тем не менее, приговор в отношении Богомолова, вынесенный 6 марта 1813 г., оказался очень суровым: *«... в сходстве Имянного 1754 года сентября 30 дня указа, учинить ему, Богомолову, за тот его противный законам поступок, на месте преступления наказание кнутом. И вырезав ноздри, поставить на лбу В, а на щеках, на одной О, а на другой Р, и заклевав в кандалы, сослать в каторжную работу куда следует».*³⁵ После вынесения приговора Богомолов был заключён в тюрьму, где должен был содержаться до «обревизования» дела в Московской палате уголовного суда. Дальнейших материалов дела не сохранилось, но книга 7-й ревизии Дмитрова сообщает о смерти Богомолова в 1814 г.

Комаров и Белов некоторое время содержались в городской тюрьме, а затем были выпущены «на поруки», с учинением над ними строгого надзора.

О потерях среди дмитровских ополченцев

После Бородинского сражения часть личного состава Московского ополчения была распределена по полкам, понёсшим в этом бою значительные потери. Воины 2-го пехотного полка Одоевского, численностью 2590 человек, вошли в состав 11-й и 23-й дивизий 4-го пехотного корпуса Остермана-Толстого. В 11-й дивизии они пополнили ряды Кексгольмского полка — 217, Перновского — 164, Елецкого — 161 и 1-го егерского — 96 человек. В 23-й дивизии: Рыльского полка — 177,

Екатеринбургского — 160 и Копорского — 186 человек. Ещё 104 ополченца поступили в различные артиллерийские батареи 4-го пехотного корпуса, остальные числились в резерве.³⁶

Боевое крещение ополченцы получили 6 октября в бою при Тарутино. Находясь в составе полков 4-го корпуса, участвовали в сражениях при Малоярославце, Вязьме, Красном, Дорогобуже, в боях зимней кампании 1813г. Многие офицеры были награждены орденами и повышены в чинах.

30 марта 1813 г. последовал указ Александра I о роспуске Московского и Смоленского ополчений, в котором говорилось: *« из народных государственных сил, столь единодушно и ревностно в защиту отечества вооружившихся, прежде всего составилось Смоленское и Московское ополчение. Они первыми встретили неприятеля и мужественным сопротивлением и многократными с ним битвами оказали усердие своё и заслуги. Ныне, по истребление врага в пределах наших ... повелеваем мы, изъявляя к ним монаршее наше благоволение и признательность, распустить оные по домам...»*³⁷

Согласно изданному 18 апреля указу Сената, началось возвращение ополченцев к местам постоянного проживания. Исполняющий обязанности предводителя дворянства Дмитровского уезда С. М. Сахаров докладывал о возвращении первых ополченцев: *« присланные при сообщении Московской военной силы от г-на подполковника Рославлева 38 воинов сего мая 19-го дня препровождены, при предложении в Дмитровскую земскую полицию, к помещикам в селения. И в принятии их отбираются от управляющих именными расписки, причём представляется оным воинам именной список».*³⁸

К июлю 1813 г. домой уже возвратилось только 169 ополченцев, к концу года в списке не вернувшихся в свои дома ещё числилось более 900 человек.

Только в июле 1815 г. канцелярией Дмитровского уездного предводителя дворянства была составлена сводная ведомость о числе поступивших в ополчение и возвратившихся домой. Гвардии штабс-капитан Владимир Михайлович Рахманинов, сменивший князя Трубецкого на должности уездного предводителя дворянства, представил московскому губернскому предводителю ведомость о потерях, понесённых ополчением. Из неё следовало, что из призванных 129 офицеров домой

возвратилось 53, ещё 27 продолжили службу в различных регулярных войсковых частях, 9 находились в госпиталях. В боях погибло 19 офицеров, 20 умерло от ран и болезней, 1 числился в отлучке.

Из 1400 нижних чинов возвратилось 540, ещё 250 продолжали службу в регулярных войсках, 300 были отправлены в госпитали. В боях погибло 200 рядовых и унтер-офицеров, 104 ополченца умерли от ран и болезней, 6 человек находились в бегах.

Из числа мобилизованных в уездных поместьях для нужд ополчения 800 строевых и 125 нестроевых лошадей, было возвращено, соответственно, 405 и 70³⁹.

Все 540 возвратившиеся из ополчения рядовых воинов были награждены серебряными медалями в память о войне 1812 г.

В 1817 — 1818г. был составлен поимённый список ополченцев, отпущенных из воинских частей позднее подачи Рахмановым ведомости, с указанием принадлежности каждого к помещику (или фабрике) и места нахождения на данный момент. Из 244 бывших воинов 194 человека числились находящимися при поместьях (фабриках), 9 умерли после возвращения, 16 были сданы в рекруты, 19 вовсе не возвращались (находились в бегах), остальные были внесены в список ошибочно. 190 человек из этого списка получили серебряные медали в 1818 — 1819 г. (ещё четверо умерли после его составления). Сохранился поимённый список этих воинов, с указанием фамилий их владельцев (см. приложение 1).

Воины продолжали возвращаться в свои дома и после 1819 г., но их количество было невелико.

В ведомости Рахманова речь шла о 1529 ополченцах, хотя при формировании ополчения фигурировала цифра в 1608 человек. Эти расхождения, вызванные, вероятно, спешкой при проведении набора и несовершенством подсчётов, мало влияют общую картину значительных потерь, понесённых Дмитровским ополчением в 1812 — 1813 г.

Возможно, что в списке не была учтена часть из 225 ополченцев, поставленных уездными помещиками уже после отступления французов, в период с 5 января по 3 февраля 1813 г. Эти ополченцы не принимали участие в боях,

находясь в различных командах, занимавшихся сбором брошенного неприятелем при отступлении вооружения, конвоированием пленных и погребением убитых.

Таким образом, потери Дмитровского ополчения оказались очень значительными. Считая отсутствующих после 1819 г. около 310 воинов погибшими, всего домой не вернулось 653 человека или 40% от общей численности ополчения.

Значительные потери среди ополченцев во многом были следствием очень высокой смертности раненых и больных воинов в госпиталях. Командующий Владимирским ополчением князь Б. А. Голицын, обеспокоенный значительными небоевыми потерями, сообщал главному лекарю военных госпиталей Иванову: «... *Воины при самой их сдаче в госпиталь умирают и большая часть умирающих в оном суть поступающие из ополчения. Но вы сами принимаете только тех, кто в большей опасности; прочих же воинов, хоть и больных, не только не помещаете, но и вон выталкиваете. От чего из подаваемых мне от полков рапортов усмотрел я большое число умирающих... Большие неустройства и теснота в комнатах, занимаемых больными ... от чего болезни делаются заразительными и повальными не только для воинов, но и для жителей*».

К сожалению, абсолютное большинство имён погибших ополченцев неизвестно. Отрывочные сведения содержатся в прошениях помещиков о выдаче им свидетельств за крестьян, не вернувшихся из ополчения, и зачёте их за рекрутов при проведении последующих рекрутских наборов. Так владелец села Гари и деревни Запрудной, военный советник и кавалер Ф. М. Романов сообщал в 1816 г., что в ополчение от его 122 крепостных крестьян ушло 11 человек, домой же вернулись лишь четверо, остальные « ... *полусела Гарей — Иван Федотов, Ефим Филиппов, Иван Андреев, Иван Агеев; да деревни Запрудной — Патрикей Иванов, Андрей Марков, Лаврентий Федотов поныне в свои селения не возвратились...*»

За рамками этой статьи осталось участие в войне дворян Дмитровского уезда, служивших в армии к моменту начала кампании 1812 г., крестьян из экономических волостей уезда, а также крестьян и мещан Дмитрова, призванных на службу при проведении рекрутских наборов.

Приложение 1

Выписки из реестра крестьян Дмитровского уезда, бывших в Московском ополчении и возвратившихся в свои дома позднее июля 1815 г., составленного в 1819 г. уездным предводителем дворянства Рахмановым для выдачи им серебряных мелей в память о войне 1812 г.

«Выдана медаль с лентой:

1. Поручика Михаила Антонова Бенедиктова — деревни Ивашевой воину Ивану Антонову.
2. Князей Голицыных — воинам Ивану Михайлову, Абраму Иванову. Села Пересветова — Степану Козмину, деревни Фёдоровской — Якову Фёдорову, деревни Тюльпиной — Петру Захарову, Ивану Фёдорову, Ивану Васильеву.
3. Подпоручика Николая Васильева Чихачёва — села Успенского с деревнями воинам Михайле Иванову, Меркулу Спиридонову, Ивану Наумову, Якову Лазареву, Ивану Евстигнееву, Фоме Лаврентьеву.
4. Полковника и кавалера Николая Петровича Поливанова — села Филиповского с деревнями воинам Алексею Иванову, Ивану Васильеву, Петру Захарову, Фёдору Архипову, Семёну Николаеву, Степану Фёдорову, Степану Никитину и Ивану Евсееву.
5. Капитана Ивана Ивановича Вельяминова-Зернова — воину Якову Ефимову.
6. Надворной советницы Чулковой — воину Семёну Иванову.
7. Действительной тайной советницы и камергерши графини Варвары Петровны Разумовской — воинам Петру Никитину, Филиппу Савельеву, Трофиму Савельеву, Ивану Васильеву, Даниле Алексееву, Мартину Васильеву, Ивану Фёдорову.
8. Генерал-майорши Авдотьи Ивановны Сабуровой — воинам Тихону Николаеву, Алексею Николаеву, Сергею Антонову.
9. Военного советника Филиппа Михайлова Романова — села Гарей воину Илье Павлову.
10. Титулярной советницы Екатерины Васильевой Шляковой — воину Борису Потапову.
11. Девицы Марьи Александровой Титовой — воину Власу Гаврилову.

12. Майорши Анны Михайловой Комендантовой — воину Алексееву.
13. Полковника князя Дмитрия Михайловича Щербатова — воинам Ивану Егорову, Василию Ильину.
14. Вотчины Григория Салтыкова — воинам Алексею Носову, Никите Петрову.
15. Вотчины бригадира Дурасова — воину Осипову.
16. Г-жи Кишкиной — воину Дмитрию Васильеву.
17. Статского советника Александра Ивановича Васнецова — села Бородчикова воину Гавриле Тимофееву.
18. Тайного советника и кавалера Аркадия Ивановича Терского — воинам Прокофию Егорову, Алексею Яковлеву, Прокофию Григорьеву, Ивану Абрамову, Ионе Митрофанову.
19. Московских купцов Александра и Петра Францевых Гарднеров — состоящим при фарфоровом заводе воинам Николаю Максиму, Михайле Липатову и Степану Миронову сыну Сеницыну.
20. Генерал-майорши Марьи Сергеевны Каревой — воинам Андрею Евтееву, Никифору Филиппову, Якиму Тарасову и Панкрату Игнатьеву.
21. Подпоручика Дмитрия Александровича Янькова — воинам Петру Васильеву, Петру Андрееву, Якову Никифорову, Василию Фёдорову, Гавриле Герасимову, Якову Петрову, Даниле Галактионову.
22. Князя Ивана Николаевича Трубецкого — воину Никите Матвееву.
23. Генерала от инфантерии и кавалера Петра Хрисанфовича Обольянинова — воинам Егору Иванову, Дмитрию Семёнову, Фёдору Васильеву и Михайле Афанасьеву.
24. Девушки Ирины Степановны Кротковой — воину Ивану Козмину.
25. Секунд-майора князя Ивана Михайловича Оболенского — воинам Елисею Петрову, Николаю Семёнову.
26. Девушки Натальи Емельяновны Пестриковой — воину Григорию Савельеву.
27. Артиллерии фейерверкера 12 класса Николая Ерофеева Дудышкина — воину Гавриле Васильеву.

28. Тайного советника и кавалера Николая Васильевича Обрескова — воину Ефрему Осипову.
29. Статской советницы Юнг — воину Филиппу Григорьеву.
30. Девушки Татищевой — воинам Савелию Ефимову, Михайле Дунаеву, Михайле Васильеву.
31. Вотчины Аракчеевой и Жеребцовой — воинам Егору Степанову и Василию Филиппову.
32. Вотчины генерала Фёдорова — воину Ивану Алексееву.
33. Вотчины г-жи Даниловой — воину Андрею Иванову.
34. Капитана Плескова — воину Андрею Петрову
35. Надворного советника и кавалера Сергея Александровича Норова — воинам Матвею Игнатьеву, Дмитрию Прокофьеву и Кондратию Матвееву.
36. Графини Орловой — воинам Ивану Фёдорову сыну Чулкову, Сергею Петрову и Василию Ефимову.
37. Премьер-майора Дмитрия Иванова Хотяинцева — воину Семёну Михайлову
38. Дворянина Григория Никитина Колонтарова — воину Петру Петрову.
39. Камер-юнкера Василия Николаевича Зиновьева — воину Егору Никитину сыну Белозёрову.
40. Г-на Юрьева — воинам Степану Савельеву, Тимофею Филиппову, Осипу Кононову.
41. Г-на Пальчикова — воину Владимиру Иванову.
42. Г-на Кирсанова — воинам Ефиму Иванову, Емельяну Сергееву, Фоме Никитину, Агафону Кондратьеву, Фёдору Степанову.
43. Губернского секретаря Калинина — воинам Якову Кириллову, Ефиму Козмину, Антипу Тимофееву, Герасиму Афанасьеву и Борису Игнатьеву.
44. Коллежского советника и кавалера Христофора Фёдоровича Оппеля — воину Николаю Иванову.
45. Г-на Воронцова — воину Абраму Никитину.
46. Генерал-лейтенантши графини Варвары Николаевны Ягужинской — воинам Марку Иванову и Никону Клементьеву.

47. Тайной советницы Варвары Александровой Барановой — воину Спиридону Осипову.
48. Девицы Варвары Васильевой Майковой — воину Льву Нефёдову.
49. Тайного советника камергера и кавалера графа Василия Валентиновича Мусина-Пушкина — воину Тимофею Павлову.
50. Поручика Ивана Алексеева Колокольникова — воину Филиппу Фёдорову, Петру Яковлеву, Ивану Иванову, Ивану Алексеёву.
51. Майора Павла Васильева Головина — воинам Афанасью Иванову и Андрею Григорьеву.
52. Действительного камергера Петра Фёдоровича Балк — Полева — села Иевлева воинам Семёну Власову, Петру Егорову, Фёдору Алексеёву, Андрею Иванову, Козме Иванову, Терентию Иванову, Николаю Трифонову.
53. Подпоручика и кавалера Петра Петрова Мельгунова — воину Акинфию Прокофьеву.
54. Майора Грузинова — воинам Тимофею Иванову, Фёдору Иванову и Степану Васильеву.
55. Г-на Кругликова — воинам Михайле Петрову, Владимиру Венедиктову.
56. Вотчины г-на Сунгурова — воину Василию Григорьеву.
57. Коллежского асессора Александра Елфимова — воину Петру Сергееву.
58. Г-жи Митруниной — воину Ивану Степанову.
59. Бригадiera графа Варфоломея Васильевича Толстого — воинам Тимофею Никитину, Николаю Осипову, Ивану Михайлову.
60. Титулярной советницы Настасьи Александровой Волоцкой — воину Андрону Михайлову.
61. Подпоручика Аполлона Иванова Протопопова — воину Трофиму Платонову.
62. Поручицы Анны Александровой Кологривовой — воину Даниле Сергееву.
63. Г-жи Лопухиной — воину Степану Васильеву.
64. Девиц Ольги и Анны Михайловых дочерей Воейковых — села Сабурова воину Михайле Семёнову.

65. Г-на Вельяминова — Зернова — воину Андрею Иванову.
 66. Г-жи Чихачёвой — воину Ивану Иванову.
 67. Г-жи Тургеневой — воину Терентию Кондратьеву.
 68. Г-на Жукова — воину Егору Герасимову.
 69. Г-на Новосильцева — воинам Ивану Козмину, Петру Афанасьеву и Ивану Козмину.
 70. Г-жи Ефимовичевой — деревни Авдошкиной воину Андрею Елисееву.
 71. Г-на Нагибина — воину Григорию Осипову.
 72. Г-на Козакова — воину Петру Николаеву.
 73. Московского купца Гарднера — селения Вербилки воину Дементию Петрову.
 74. Г-на Хвостова — воину Ивану Никифорову.
 75. Генерала Апраксина — села Льгова воинам Михайле Звереву и Андрею Семёнову.
 76. Г-на Дудышкина — воину Илье Гордееву.
 77. Г-на Шубина — воину Андрею Иевлеву.
 78. Г-на Булгакова — сельца Булгакова воину Михайле Кулагину.
 79. Г-жи Кичиной — воину Гавриле Харитонову».
- Итого выдано 190 медалей.

¹ ЦИАМ ф.388 оп.1 д.67 л.22

² ЦИАМ ф.37 оп.1 д.19 л.158

³ ЦИАМ ф.388 оп.1 д.65 л.31

⁴ ЦИАМ ф.383 оп.1 д.8 л.106

⁵ там же л.190

⁶ там же л.94об.-95

⁷ там же л.188-188об.

⁸ ЦИАМ ф.388 оп.1 д.67 л.8,11,12, 13,14,17

⁹ ЦИАМ ф.388 оп.1 д.65 л.36

¹⁰ там же л.34

¹¹ там же л.47

¹² там же л.80-80 об.

¹³ там же л.54

¹⁴ Д.И. Горшков «Новые данные по второму этапу «2-й Польской кампании». Дневник лейтенанта вольтижеров 84-го линейного полка Жана-Луи Лякорда», с.7 (номера страниц дневника показаны согласно электронной версии этой статьи)

¹⁵ Дневник Лякорда... с.7

¹⁶ Д.Д. Благово «Рассказы бабушки», изд. «Наука» Л., 1989г., с.128 и 176

¹⁷ РГАЛИ ф.561 оп.3 д.226 л.7

¹⁸ Дневник Лякорда... с.7

¹⁹ там же с.8

²⁰ там же с.8

-
- ²¹ РГАЛИ ф.561 оп.3 д.226 л.8, 8об.
²² там же л.9
²³ ЦИАМ ф.383 оп.1 д.11 л.4
²⁴ ЦИАМ ф.388 оп.1 д.25 л.22
²⁵ там же л.26
²⁶ там же л.25
²⁷ там же л.25 об.
²⁸ ЦИАМ ф.383 оп.1 д.11 л.6
²⁹ ЦИАМ ф.388 оп.1 д.25 л.25 об.
³⁰ ЦИАМ ф.1633 оп.1 д.641 л.12 об, 13
³¹ там же л.13 об.
³² ЦИАМ ф.37 оп.1 д.19 л.181, 181об.
³³ ЦИАМ ф. 37 оп.1 д.20 л.3
³⁴ там же л.8
³⁵ там же л.227 - 229
³⁶ «Народное ополчение в отечественной войне 1812г.» сб. док. под ред. Л.Г. Бескровного, изд. АН СССР, 1962г., л.81
³⁷ там же л.94, 95
³⁸ там же л.102
³⁹ ЦИАМ ф. 388 оп1.д.31 л.1об, 2